

КАК ПРЕОДОЛЕТЬ РАЗРЫВ МЕЖДУ СВЕТСКИМ И ЦЕРКОВНЫМ ОТНОШЕНИЕМ К ИСКУССТВУ?

Фото Кирилла Мозгова

11 мая начала свою работу организованная Свято-Филаретовским православно-христианским институтом, Институтом художественного образования РАО и Центральным музеем древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева Всероссийская научно-богословская конференция «Церковное искусство: его восприятие и преподавание». Шестьдесят участников, большую часть которых составили известные специалисты в области иконописи, истории искусства, богословия, собравшиеся в этот день в актовом зале СФИ, представляли шестнадцать городов: Архангельск, Брянск, Даллас, Екатеринбург, Казань, Киев, Киров, Куопио, Милан, Москву, Новосибирск, Орёл, Саратов, Сергиев Посад, Шую, Эффельтрих. Таким образом, в работе конференции приняли участие специалисты из России, Германии, Италии, США, Украины и Финляндии.

Продолжение на сс. 4-5

НУЖНО НЕ ТОЛЬКО СЛЕДОВАТЬ СТАРЫМ ПРИМЕРАМ

Интервью доктора богословия,
почетного доктора МДА Карла Христиана Фельми

«Кифа»: Уважаемый профессор, в Евангелической церкви Вы являетесь виднейшим специалистом по православному богословию. Что именно стоит в центре Ваших научных интересов в настоящее время?

Проф. К.Х. Фельми: Последние годы я был занят почти исключительно церковным искусством. Так, я писал большую статью для изданной в Италии книги, содержащей 70 иллюстраций. Сейчас я занимаюсь редактированием перевода моей книги «Иконы Христа» на русский язык. Переводчик — кажется, человек нецерковный, поэтому, невзирая на то, что он отлично владеет немецким языком, там очень много ошибок. Достаточно сказать, что он написал в тексте «большой вход» вместо «великий вход». Еще сложнее ему разбираться с догматическими вещами.

Сейчас я планирую писать книгу о русском богослове Павле Светлове. В прошлом году я читал о нем лекцию в Московской духовной академии, но это была только часть статьи. Павел Светлов был великим апологетом, но начинал он с сотериологии, причем совершенно особенной сотериологии, и я хочу об этом написать.

Так что здесь, в Москве, я был не только на посвященной церковному искусству конференции Свято-Филаретовского института, но и в архиве.

«Кифа»: Что Вам представляется наиболее интересным в конференции СФИ? Каких результатов Вы ожидаете от обсуждения?

Проф. К.Х. Фельми: Я думаю, здесь затронут очень важный вопрос: как в наше время продолжать традицию иконописи. Этим я занимаюсь уже давно. Я защищаю, как Вы могли заметить, искусство 17 века. Конечно, это не Андрей Рублев, но в это время еще были попытки продолжать старую традицию и одновременно вносить свою лепту, а не только копировать старое. Я очень люблю старую иконопись и сам занимаюсь практической реставрацией. Я всегда любил именно иконопись в старом стиле. Но потом заметил, что сегодняшние иконы, воспроизводящие этот стиль, нередко слишком сухи и академичны. И поэтому сегодня я более снисходительно, хотя иногда с юмором, отношусь к попыткам соединять в иконописи старую традицию с новыми элементами.

Я ожидаю от конференции не столько готовых результатов, сколько живой дискуссии, которая помогает проливать свет на возможность новых импульсов для творческого продолжения традиции иконописания.

«Кифа»: Вы выделили в своем докладе именно эсхатологический аспект иконографии в ее связи с Литургией. Сейчас многие говорят о проблеме невыявленности эс-

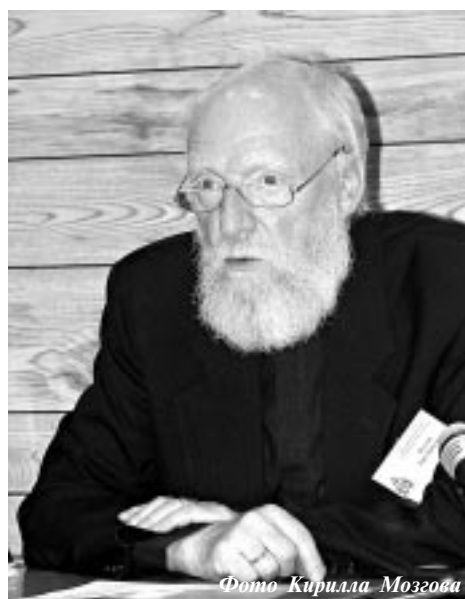

Фото Кирилла Мозгова

хатологичности в жизни церкви, и в первую очередь — в жизни литургической. Об этом неоднократно говорит в своих «Дневниках» о. Александр Шмеман. Какими Вы видите пути разрешения этой проблемы?

Проф. К.Х. Фельми: Я думаю, что все есть в православной Литургии. И в западной тоже есть, хотя и в меньшей степени. Но даже такой умный человек, как, например, проф. прот. Павел Светлов, говоря о Царстве Божьем (он написал книгу о значении Царства Божьего для христианского мироздания), о Литургии в этом контексте не говорил. Помоему, сегодня очень недостает истолкования Божественной литургии. О. Александр Шмеман — прекрасный пример для нас, но то, что было начато им, надо продолжать. Нужно не только следовать старым примерам, но вновь открывать для себя содержание прекрасных евхаристических молитв.

9 (47)

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕННОГО
СОДРУЖЕСТВА
БРАТСТВ

МАЙ
2006

в газете использованы
материалы сайта www.sfi.ru

В номере:

Если церковное искусство не будет опираться на Церковь, оно не состоится

На сс. 4-5 мы продолжаем центральную тему номера — рассказ о конференции «Церковное искусство: его восприятие и преподавание»

Царственное принятие креста

Что изменило служение о. Александра Шмемана в жизни тех, кто с ним общался, и в жизни Американской православной церкви? Об этом размышляет супруга о. Михаила Меерсона-Аксенова Ольга Меерсон и Елена Дорман

сс. 6, 8

О сознательной и бессознательной многодетности

В редакцию продолжают приходить письма на тему христианского отношения к проблеме планирования семьи. Мы публикуем одно из них, стремящееся поставить проблему в религиозно-этический контекст

с. 7

Петровская революция

Об этом переломном моменте русской истории размышлял в одной из передач на радиостанции «Свобода» о. Александр Шмеман

с. 8

Миссионерское приложение «Открытая встреча» посвящено празднованию воспоминанию жен-мироносиц, а значит, месту и служению женщин в церкви и в обществе.

В САН-ФРАНЦИСКО ПРИНЯТА РЕЗОЛЮЦИЯ О ВОССТАНОВЛЕНИИ ЕВХАРИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ МЕЖДУ РПЦЗ И РПЦ

<http://www.sobor2006.com>

IV Всезарубежный Собор Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ), проходивший в кафедральном храме РПЦЗ в Сан-Франциско 6-14 мая, принял резолюцию о восстановлении евхаристического общения с Церковью в Отечестве.

«Резолюция принята открытым голосованием, почти единогласно. Против высказались менее 5%», — сообщил личный секретарь первоиерарха Русской Православной Церкви Заграницей митрополита Лавра священник Серафим Ган.

В Соборе участвовало 11 архиереев и около 150 клириков и мирян РПЦЗ, представляющих все епархии Зарубежной Церкви, разные страны и континенты.

В проект резолюции в течение дня несколько раз вносили изменения. Серьезные прения, как и ожидалось, вызвали пункты о взаимоотношениях Церкви и государства, или так называемом «сержианстве» и экуменизме.

Восстановление евхаристического общения означает, что священнослужители РПЦЗ и Церкви в Отечестве смогут служить вместе, а верующие — причащаться на литургии из одной Чаши. «Резолюция предусматривает, что у нас будет единая Чаша и две администрации», — сообщил делегат Собора протоиерей Александр Федоровский. Отвечая на вопрос о возможности отхода от РПЦЗ тех людей, которые выразили несогласие с резолюцией, он сказал: «Не думаю, потому что некого уже раскалывать». Священнослужитель напомнил также, что св. патриарх Тихон «разрешил отдельное существование Заграничной Церкви до того, как Церковь в России освободится от безбожной власти, что уже произошло».

Ниже мы приводим текст резолюции собора, имеющей рекомендательный и совещательный характер и отражающей мнение клириков и мирян:

«Христос Воскресе!

Мы, участники IV Всезарубежного Собора, собравшиеся в богоспасаемом граде Сан-Франциско, в благодатном присутствии Одигитрии Русского Зарубежья Курско-Коренной Иконы Божией Матери и святых мощей Святителя Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского, в трепетном сознании ответственности, лежащей на нас, в послушании Архиерею — Христу, во всецелом доверии и любви пастырей и мирян ко своему Первоиерарху, Высокопреосвященнейшему Митрополиту Лавру и Архиерейскому Собору, свидетельствуем, что, как верные чада Святой Церкви, будем преклоняться воле Божией и подчиняться решениям предстоящего Архиерейского Собора.

Мы, архиереи, пастыри и миряне, члены IV Всезарубежного Собора, единодушно выражаем свою решимость улаживать раны разделения внутри Русской Церкви — между ее частями во Отечестве и за рубежом. Нашей Пасхальной радости сопутствует великая надежда, что в благоприятное для сего время будет восстановлено, на основе Христовой Истины, единство в Русской Церкви, открывающее нам возможность служить вместе и причащаться от единой Чаши.

Выслушав доклады, прочитанные на Соборе, и сообщения Комиссии по переговорам со встречной Комиссией Московского Патриархата, и высказанные в прениях различные точки зрения, мы выражаем наше соборное согласие с тем, что необходимо подтвердить на будущее канонический статус Русской Зарубежной Церкви, как самоуправляемой части Поместной Русской Церкви, в соответствии с действующим Положением о Русской Православной Церкви Заграницей.

Из обсуждений на Соборе видно, что участие Русской Православной Церкви Московского Патриархата во Всемирном совете церквей вызывает смущение в среде нашего клира и паствы. Мы с сердечной болью просим священноначалие Русской Православной Церкви Московского Патриархата внять мольбу нашей паствы о скорейшем устранении этого соблазна.

Мы уповаем, что грядущий Поместный Собор Единой Русской Церкви урегулирует и остающиеся неразрешенными церковные вопросы.

Преклоняясь пред подвигом Святых Новомучеников и Исповедников Российских, прославленных как Русской Зарубежной Церковью, так и Русской Церковью во Отечестве, мы видим в них тот духовный мост, который возносится над пропастью пагубного разделения в Русской Церкви и делает возможным восстановление чаемого всеми церковного единства.

И мы, члены IV Всезарубежного Собора, обращаясь к нашим братьям и сестрам по вере на возрождающейся нашей Родине словами Пасхального песнопения: «Пасха! Радостию друг друга обымем!»

ОБШИНЕ МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА ПЕРЕДАНЫ КЛЮЧИ ОТ ХРАМА В ГЕРМАНСКОМ ГОРОДЕ КИЛЕ

26 апреля 2006 года был подписан договор о приобретении Московским Патриархатом в собственность храма в Киле, Германия. Киль — столица самой северной земли Федеративной Республики Германии — Шлезвиг-Гольштейн. В этом городе уже более 4 лет существует община Русской православной церкви.

После подписания договора между архиепископом Берлинским и Германским Феофаном и руководителем управления по недвижимости церковного округа Киль Евангелической Церкви в Германии господином Дитером Мондвурфом и торжественной передачи ключей от храма состоялся благодарственный молебен.

После молебна усилиями общины был устроен праздничный стол, за которым архиепископ Феофан рассказал об истории русского православия в Германии, заметив, что она начинается именно с Кили, где в 1727 году в замке Готторпских была устроена первая в Германии русская православная домовая церковь святой великомученицы Екатерины.

РУКОВОДСТВО КУБЫ ХОЧЕТ СДЕЛАТЬ РУССКИЙ ХРАМ В ГАВАНЕ ЦЕНТРОМ ПРАВОСЛАВИЯ В КАРИБСКОМ РЕГИОНЕ

Москва. 27 апреля. ИНТЕРФАКС

Руководитель отдела по религиозным вопросам ЦК компартии Кубы Каридад Диего Бельо заявила о поддержке правительством Кубы строительства в Гаване русского православного храма. По ее словам, решение о строительстве самого храма было принято властями Кубы и представителями Московского патриархата два года назад. Однако лучшие, по мнению К.Д. Бельо, идеи прозвучали на недавней встрече Фиделя Кастро и митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, когда «было решено строить не просто храм для православных кубинцев, а крупный собор, где бы осуществлялась подготовка православных священников не только для Кубы, но и для всего Карибского бассейна и Латинской Америки».

«Ни для кого не будет секретом, что строительство русского храма станет символом дружбы и сотрудничества между нашими народами», — заявила представитель компартии Кубы в четверг на пресс-конференции в Москве. Она также сообщила о существенном росте православной общины Кубы за последние годы, общий размер которой, по ее словам, составляет несколько тысяч человек.

Большое количество православных верующих, как рассказала К.Д. Бельо, собралось на закладке русского православного храма, а на праздник православного Рождества в этом году концертный зал рядом с местом будущего храма «был полон до отказа православными верующими». «На праздник пришли не только русские мужчины и женщины, живущие на Кубе, но также украинцы и белорусы — все славяне, исповедующие православную веру», — сообщила она.

По наблюдению представителя ЦК компартии Кубы, прирост православной общины происходит главным образом за счет увеличения православных семей, рождения детей, которые также воспитываются в православной вере.

КОНФЛИКТ В СУРОЖСКОЙ ЕПАРХИИ

24 апреля епископ Сергиевский Василий (Осборн), Управляющий Сурожской епархией Русской православной церкви, направил патриарху Московскому и всея Руси Александру II письмо, в котором просил отпустить его, а также клириков и мирян Сурожской епархии, которые этого пожелают, в юрисдикцию Вселенского Патриархата. (Сурожская епархия, созданная в 1962 году при активном участии выдающегося православного иерарха митрополита Антония (Блума, 1914-2003), объединяет приходы Московского Патриархата в Великобритании и Ирландии)

Текст письма в настоящее время опубликован на нескольких сайтах информационных агентств, а также на официальном сайте mospat.ru и сайте Сурожской епархии. В этом документе епископ Василий отмечает, что за последние десять лет — в связи с огромным наплывом новых эмигрантов из России и других стран бывшего СССР — в Сурожской епархии создалась ситуация, в корне отличная от той, что имела место в годы становления этой церковной области. Если раньше, считая архиереем, основным мотивом верующих было свидетельство о православии вне национальных границ, то для вновь прибывших в Англию одним из важнейших условий является связь с русской церковной традицией.

Если к 1991 году Сурожская епархия насчитывала около 30 приходов и общин, а общее число ее верующих составляло порядка 2-3 тысяч, то после крушения коммунизма общая численность русскоязычных мигрантов из стран бывшего СССР, живущих в Великоб-

ритании, достигла 250 тыс. человек, из которых только в Лондоне живет около 100 тыс.

Среди тех, кто не разделяет взглядов на жизнь епархии, сложившихся при митрополите Антонии, епископ Василий, в частности, называет своего викария архиепископа Керченского Анатолия (Кузнецова), на которого возложена забота о русскоязычных прихожанах, и протоиерея Андрея Тетерина, который в конце прошлого года открыто выступил против управляющего епархией.

Перманентные скандалы, омрачающие жизнь Сурожской епархии на протяжении последних лет, считает епископ Василий, вызваны не конфликтами между отдельными людьми, а объективными причинами. В этой связи епископ считает, что вновь прибывшим в Британию выходцам из бывшего СССР следует оставаться в юрисдикции Московского Патриархата. Что же касается тех, кто разделяет взгляды на церковную жизнь, сложившиеся в годы управления епархией митрополита Антония, то им, по мнению архиерея, предпочтительнее будет войти в состав «церковной структуры, более всего походящей на нее», — Архиепископии православных русских церквей в Западной Европе (с центром в Париже) под омофором Вселенского патриарха.

Как сообщает «Благовест-инфо», 1 мая епископ Василий обратился с письмом ко всему клиру Сурожской епархии и членам епархиального совета лондонского Успенского храма, в котором также изложил свои намерения.

На следующий день, 2 мая, он направил письмо Вселенскому патриарху Варфоломею I, в котором попросил принять его под свой омофор. Как уточняет епископ Василий, управляющий Архиепископией православных русских церквей в Западной Европе архиепископ Команский Гавриил (де Вильдер) ранее был проинформирован о его позиции.

В своих письмах епископ Василий отмечает, что решение о смене юрисдикции далось ему с большим трудом, поскольку на протяжении нескольких десятков лет, с тех пор, как он принял православие, он пребывал под омофором Московского патриарха. В то же время, считает архиерей, тот факт, что Московский и Константинопольский патриархаты находятся между собой в евхаристическом общении, не дает основания говорить о полном разделении между теми, кто перейдет вместе с ним в Константинопольскую церковь, и теми, кто останется в РПЦ.

7 мая епископу Василию был доставлен в Лондон ответ патриарха Московского и всея Руси Алексия II. В нем, в частности, говорится: «Разделения в русском церковном рассеянии случались, как известно, и раньше... эти вынужденные разделения всегда мыслились как временные, и сегодня они, благодарение Богу, успешно преодолеваются. Вы же, напротив, предлагаете из-за временных напряжений закрепить навсегда либо на неопределенно долгое время разделение паствы... Дорогой Владыка! Русская Церковь много пострадала в веке минувшем от гонений безбожников, от гордыни раскольников, от предательства лжебратий. Молитвами Новомучеников и всех святых, настало для нее время отрады, время собирания и возрождения... Поэтому прошу Вас не пугаться испытаний, не избегать креста, но умножить труды по созиданию Тела Христова». В своем обращении к духовенству епархии, опубликованном «Благовест-инфо», еп. Василий, в частности, так прокомментировал это письмо: «Послание Патриарха, несмотря на свой большой объем, не затрагивает ряд проблем, имеющих исключительное значение», а также заметил, что «единство Тела Христова может быть обретено только с Божией помощью, при условии доброй воли и добропорядочности, а не интригами и требованиями».

Как сообщает официальный сайт Московской патриархии, 14 мая в Успенском соборе Лондона после литургии архиепископом Корсунским Иннокентием было зачитано распоряжение патриарха Московского и всея Руси Алексия II, в котором говорится, что епископ Василий освобожден от обязанностей управляющего Сурожской епархией и отправлен на покой и что ему запрещено переходить в другой патриархат до тех пор, пока комиссия во главе с архиепископом Иннокентием не закончит расследование последних событий в Сурожской епархии. Там же сообщается, что в этот день «архиепископ Корсунский Иннокентий и архиепископ Керченский Анатолий совершили Божественную литургию в сослужении семи священников и четырех диаконов Сурожской епархии. За литургией молился и причащался Святых Таин епископ Василий (Осборн)». После зачитывания письма епископ Василий заявил, что будет апеллировать к Вселенскому патриарху на основании 9 и 17 канонов IV Вселенского собора. По сообщению сайта Сурожской епархии, в данный момент за ее деятельность, за все печатные и интернет-издания отвечает архиепископ Корсунский Иннокентий.

Первые интервью по поводу происшедших событий дали епископ Венский и Австрийский Иларион радиостанции «Радонеж» и епископ Сергиевский Василий русской службе Би-би-си. Епископ Иларион (переведенный из Сурожской епархии в Брюссель в 2002 г. по просьбе митрополита Антония (Блума)) обвинил в происшедшем лично епископа Василия. Последний же в своем интервью отметил: «митрополит Антоний создал, по сути дела, миссионерскую епархию. А епархия для нынешних эмигрантов, которые просто хотят перенести в Британию свой русский дом, не может быть миссионерской».

В МОСКВЕ ПРОШЛО ЗАСЕДАНИЕ СИНОДАЛЬНОЙ БОГОСЛОВСКОЙ КОМИССИИ

3 мая 2006 года в Москве состоялось заседание Синодальной богословской комиссии. На повестке дня пленарного заседания стояли вопросы подготовки к очередной богословской конференции Русской православной церкви «Православное учение о церковных Таинствах» (13–16 ноября 2007 года), а также план деятельности Комиссии на ближайшие два года.

Тема очередной общецерковной конференции была предложена на заседании Президиума комиссии 25.12.2005 и утверждена Священным Синодом в его заседании 27.12.2005 (журнал № 99).

Основанием для выдвижения сакраментологии в качестве темы богословской конференции Русской Православной Церкви явилась как ее церковно-практическая актуальность, так и особая значимость для православного богословия.

По сложившейся за последние годы традиции, тема предстоящей общецерковной конференции во многом определяет содержательную сторону деятельности комиссии на этапе ее подготовки. Тема таинств имеет много аспектов: догматический, литургический, канонический, пасторологический и другие. Важным является и вопрос о центральном

месте и значении таинств в жизни Церкви в целом и в православном богословии в частности.

В силу многогранности и актуальности сакраментологической проблематики ее рассмотрение на богословской конференции должно стать своего рода итогом или результатом предшествующей исследовательской деятельности и обсуждения различных аспектов темы церковных таинств. Так, в частности, представляется целесообразным проведение ряда семинаров как по отдельным таинствам, так и по вышеуказанным аспектам сакраментологии в целом.

ОКОЛО ПОЛОВИНЫ РОССИЯН ВЫСКАЗЫВАЮТСЯ ЗА БОЛЕЕ АКТИВНУЮ РОЛЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Почти половина россиян (47%) хотели бы, чтобы Русская православная церковь более активно влияла на духовную жизнь всего общества, около трети (29%) предпочли бы, чтобы Московский Патриархат и другие религиозные организации ограничили свою деятельность обрядами и ритуалами.

18% россиян выступают за то, чтобы Церковь серьезно влияла на основные вопросы жизни не только общества, но и всего государства.

Такие результаты опроса сообщили в четверг информационному агентству «Интерфакс» во Всероссийском центре изучения общественного мнения (ВЦИОМ), социологи которого в апреле провели исследование в 153 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России с участием 1600 человек.

Согласно данным ВЦИОМ, в российском обществе нет единого мнения о роли и правах православия. Если 41% опрошенных придерживаются точки зрения, согласно которой «православие — это всего лишь одна из религиозных конфессий, распространенных на территории России, и оно должно иметь такие же права,

как другие», то 53% россиян настаивают на его особой роли.

При этом, по мнению 35% опрошенных, православие должно иметь «особые права» в российском обществе, так как оно является наиболее традиционной для русского народа религией, а 18% придерживаются еще более радикального взгляда, согласно которому православие должно не просто иметь «особые права и играть особую роль», но и должно стать стержнем всей российской государственности.

Исследование ВЦИОМ также показывает, что только треть россиян (35%) поддерживают тезис, согласно которому в основу российского общества следует положить общенациональные ценности и традиции, а не концепцию прав и свобод личности, которую Запад считает универсальной. Большинство же (60%) придерживаются в этом вопросе скорее прозападной точки зрения о приоритетности прав и свобод личности.

Некоторое численное преимущество имеют в современной России и те, кто считает, что главное для человека — это достижение личного благополучия (50%).

Несколько меньше тех (42%), кто согласен с более традиционной для России точкой зрения, о том, что россиянам следует держаться за нравственные традиции и веру, и это важнее, чем достижение личного благополучия.

Большинство современных россиян, согласно исследованию ВЦИОМ, не готово жертвовать своим благополучием во имя общих целей. По мнению 52% опрошенных, нет таких общих целей, ценностей и идей, ради которых стоит пожертвовать жизнью. В то же время 34% респондентов отметили, что в их окружении есть люди, готовые пожертвовать своей жизнью ради блага других или страны.

В современной России, где доверие к государственным и общественным институтам невелико, главным источником нравственных норм и ценностей, по мнению россиян, должна оставаться семья — так полагают 72% опрошенных. Гораздо меньшую роль в ретрансляции нравственных норм и ценностей отводят россияне школе (15%), Церкви (4%), литературе и искусству (2%), СМИ (2%), трудовым коллективам (2%) и армии (менее 1%).

В НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ СОСТОЯЛСЯ II СЪЕЗД ЛИДЕРОВ ПРАВОСЛАВНОГО МОЛОДЕЖНОГО СЛУЖЕНИЯ

Нижний Новгород, 4 мая.

По инициативе молодежи из 17 регионов России и по благословению архиепископа Нижегородского и Арзамасского Георгия (Данилова), сообщает официальный сайт Нижегородской епархии, в Нижегородской области прошел II Съезд лидеров православного молодежного служения. Организатором выступил Отдел религиозного образования и катехизации Нижегородской епархии.

В Нижегородской духовной семинарии участников слета принял проректор по дополнительному образованию, заместитель руководителя отдела религиозного образования и катехизации Нижегородской епархии протоиерей Алексей Горин. Встреча прошла в форме ответов на многочисленные вопросы гостей Нижегородской области.

Так, поднималась проблема языка проповеди среди молодежи, апокалиптических настроений в среде верующих и литургической жизни Церкви. Участники съезда побывали в Городце и познакомились с особенностями Городецких художественных промыслов: резьбой, росписью, жбаниковской игрушкой. На встрече с Городецким благочинным протоиереем Владимиром Чугуновым лидеры служения из Нижнего Новгорода обсудили возможность создания в городе молодежного клуба. В часовне Феодоровской иконы Божией Матери, покровительнице Всероссийского православного молодежного движения, был отслужен молебен.

В Нижнем Новгороде состоялась встреча с наместником Благовещенского мужского монастыря игуменом Александром (Лукиным).

Итогом пребывания участников II Съезда лидеров православного молодежного служения в Нижегородской епархии стала выработка предложений к Синодальному отделу по делам молодежи и руководству Всероссийского православного молодежного движения о актуализации миссии Церкви среди молодежи.

Через год молодые активисты решили встретиться в Самаре, чтобы продолжить зародившуюся традицию слетов в Приволжском федеральном округе.

ПАСХАЛЬНЫЕ БОГОСЛУЖЕНИЯ В РОССИИ ПОСЕТИЛО ЗНАЧИТЕЛЬНО МЕНЬШЕ ВЕРУЮЩИХ, ЧЕМ ПРЕДСКАЗЫВАЛИ СОЦИОЛОГИ

В праздничных пасхальных богослужениях, которые состоялись в 8 700 российских храмах, приняли участие около пяти миллионов человек, сообщает пресс-центр МВД РФ. Это количество участников пасхальных служб оказалось значительно меньше предсказанных по результатам социологических прогнозов 7% россиян.

Несмотря на многочисленные предупреждения священников и архиереев, что в Пасхальное воскресенье не следует посещать места захоронения, а делать это следует на Радоницу — в следующее воскресенье после Пасхи, почти 25% россиян отправились на кладбища. Ожидая этого, мэрии Москвы, Санкт-Петербурга и муниципалитеты большинства крупных городов организовали дополнительные маршруты автобусов и маршрутных такси. На всем пути следования таких

маршрутов и в районах самих кладбищ безопасность граждан обеспечивалась государственной автоинспекцией и линейными подразделениями милиции. Тем не менее, по сведениям Аналитического центра Юрия Левады, ожидалось, что Пасху будет отмечать большинство россиян. Так, 76% опрошенных красили яйца, 39% купили или испекли куличи, 32% планировали пойти в гости.

По сообщению ГУВД Москвы пришли в столичные храмы и участвовали в крестных ходах около 125 000 человек. Праздничные богослужения в столице прошли без происшествий. В ночь с 22 на 23 апреля 2006 года безопасность в городе, в том числе, в непосредственной близости храмов, у станций метро и на метрополитене обеспечивалась силами 6500 сотрудников милиции. Кроме того, в районах парковых зон дежурили кон-

ные подразделения охраны общественного порядка.

Наибольшее количество верующих посетило храмы, расположенные в центре Москвы, прав палмму первенства по количеству православных уже не первый год держит храм Христа Спасителя. На этот раз на праздничное пасхальное богослужение по подсчетам столичной милиции собралось более 5000 человек, из которых около 1000 участвовали в крестном ходе во время пасхальной заутрени.

В так называемых «спальных районах» города по сравнению с прошлыми годами посещаемость храмов в ночь перед Пасхой также сохраняется столь же высокой. Особенно многолюдны в нынешнем году оказались храмы Юго-Западного и Южного административных округов Москвы.

18 МАЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ СОСТОИТСЯ МИССИОНЕРСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ НА ТЕМУ «ЦЕРКОВНЫЕ СЪЕВЕРИЯ»

Тематика конференции будет включать богословскую и церковно-практическую критику магизма, обрядового, а также псевдонаучных гипотез, граничащих с оккультизмом. На конференции выступят священнослужители Санкт-Петербургской епархии и организуются круглые столы по теме конференции. Конференция состоится в Свято-Духовском корпусе Александро-Невской Лавры. Начало в 15 часов. Вход свободный. Телефон миссионерского отдела: 710-36-27

ЕСЛИ ЦЕРКОВНОЕ ИСКУССТВО НЕ БУДЕТ ОПИРАТЬСЯ НА ЦЕРКОВЬ, ОНО НЕ СОСТОИТСЯ

Интервью ректора Свято-Филаретовского института проф.-свящ. Георгия Кочеткова

А.М. Копировский: Начиная с 1990-х годов у нас в стране появилась возможность свободно обсуждать все темы, связанные с церковью, и, в частности, тему церковного искусства. По прошествии пятнадцати лет хотелось бы эту тему продолжить. На чем сегодня нужно сделать акцент? Насколько это актуально? Может быть, сейчас и для церкви, и для культуры важнее что-то другое?

Свящ. Георгий Кочетков: Все зависит от того, что мы будем подразумевать под церковным искусством. Здесь есть два важных, но разных вектора. С одной стороны, под церковным искусством мы можем подразумевать то, что было, — и только то, что было. То есть оборачиваться назад для восстановления традиции. Или просто для ощущения себя носителями традиции: мол, было и прошло, но зато мы — наследники. А было нечто великое, чем можно гордиться. Россия может гордиться своим церковным искусством. Вполне! Не хуже, чем любая другая великая нация. Это одно из оснований, чтобы русским называться великой нацией. Оснований не так много, но это — одно из них.

Иное дело современность. Если мы доводим понятие церковного искусства до современности, то сталкиваемся с совершенно другими проблемами. Прежде всего, оказывается не очень понятно, что такое церковное искусство сегодня. Если мы вычтем стилизацию, вычтем бездарные вещи, останется ли что-нибудь? На сегодняшний день есть большое опасение, что церковное искусство перестало существовать. А если это действительно так, то это очень о многом говорит. Не только о разрыве традиции. Разрыв традиции еще можно, пожившись, принять, проглотить, потому что есть оправдание: рвали, рвали, разорвали, а восстановить не так легко. Но церковное искусство связано с духовной жизнью церкви, как образующего начала искусства и всякого художественного творчества. Если церковь перестала быть таким образующим началом, то она должна обратить внимание на себя и на свою внутреннюю жизнь...

Если церковное искусство не будет опираться на церковь, оно не состоится, это совершенно ясно. Но церковь — это и иерархия, и миряне, и очень многое другое. Поэтому надо с чего-то начинать. Я бы начал с иконописцев, с людей, которые ощущают свое церковное призвание как свое личное дело.

А.М. Копировский: А преподаватели церковного искусства?

О. Георгий: И преподаватели церковного искусства. Я имею в виду всех, кто причастен к этой сфере. Это люди очень преданные, преданные традиции, в хорошем, высоком смысле этого слова — как духу, как опыту жизни церковной. И это одни из самых преданных церкви людей. И поэтому церковь должна быть заинтересована в том, чтобы они были более просвещенными и в этом смысле более творческими. Не только ради церковного искусства, но и ради самой церкви. С одной стороны, церковь сама должна это вдохновить, как бы запалить этот фитиль. А с другой стороны, оттуда свет должен прийти в саму церковь...

Я считаю, что совершенно необходимы друг другу преподаватели и творцы церковного искусства, скажем, иконописцы. Иконописцы очень много дают для науки, для осмысления, для понимания истоков творчества в церковном искусстве и вообще в искусстве, даже в широком смысле этого слова. А люди, которые думают над церковным искусством, его плодами, его наследием или размышляют о современных проблемах, — они совершенно необходимы тем, кто творит в церкви, а значит, они нужны и самой церкви.

А.М. Копировский: Сейчас-то есть «чистые» искусствоведы, есть преподаватели, и чрезвычайно редко бывают искусствоведы-преподаватели. То есть те, кто работает сам над этими темами и одновременно преподает историю искусства, или церковную археологию, или что-то в этом роде.

О. Георгий: Мне кажется, что это тоже очень важно. Основательность появляется тогда, когда человек берет на себя разные стороны. Он не обязан все это реализовывать, но должен внутри себя все это нести.

7.03.2006

КАК ПРЕОДОЛЕТЬ РАЗРЫВ МЕЖДУ СВЕТСКИМ И ЦЕРКОВНЫМ ОТНОШЕНИЕМ К ИСКУССТВУ?

В Москве прошла Всероссийская научно-богословская конференция «Церковное искусство: его восприятие и преподавание»

Начало на с. 1

Тон обсуждению был задан прозвучавшим после его открытия приветственным словом академика РАН Д.В. Сарабьянова. Отметив, что «в связи с развернувшимся строительством новых храмов, ремонтом и реконструкцией многих старых церковных сооружений одной из самых насущных проблем оказывается проблема современного церковного искусства», Д.В. Сарабьянов напомнил, что «весьма важной задачей является преодоление противоречия между каноном и современным художественным языком... Эта проблематика — соотношение канонического и эстетического — проецируется и на взаимоотношение церковной археологии и искусствознания». Он выразил надежду, что противоречия между церковной археологией и искусствознанием могут и должны быть преодолены, заметив: «Ясно, что каждая из этих областей знаний обладает своей спецификой, которая должна быть сохранена. Но, тем не менее, и здесь необходимо встречное движение».

Продолжавшийся в течение всего дня диалог, иногда очень острый, был прежде всего связан с этим «встречным движением», со стремлением участников разрешить или хотя бы осмыслить углубившийся в минувший век разрыв между светским и церковным отношением к искусству.

Первый доклад, прочитанный доктором богословия, почетным доктором МДА Карлом Христианом

утрата возможности видения смысла на уровне отдельного человека, замыкание отдельных областей гуманитарного знания, тогда как раньше, скажем, «через двери философии можно было увидеть богословие и искусствоведение».

Ответом на заключивший доклад призыв «понять, что произошло, как это случилось» стала часовая дискуссия, в центре которой при всем разнообразии затронутых тем осталось обращение к личности и опыту С.С. Аверинцева.

После перерыва бурное обсуждение вызвали тезисы доклада доктора исторических наук Л.А. Беляева (Москва, Институт археологии РАН) «Задачи и опыт преподавания византийского искусства на Западе и в России», в центре которых оказался план курса «археология Византийской империи». Наибольший интерес этот разговор, где столкнулись разные, иногда противоположные мнения, представлял для специалистов, и далеко не случайно среди его участников преобладали сотрудники музеев и представители самых разных церковных и светских учебных заведений — от СФИ, ББИ, РПУ, ПСТГУ, ИХО до иконописных школ различных городов России и Украины.

В помещениях СФИ одновременно с началом конференции была открыта выставка оригинальных картин на евангельские темы художницы Людмилы Григорьевой. (Выставка продлится до 1 июня).

Участники конференции в Спасо-Андрониковом монастыре

Фельми (Германия) — «Икона и понимание божественной литургии» — казалось бы, напрямую не связанный с современной проблематикой и обращенный к православной иконографии 17 века, поставил обсуждение не только в исторический, но и в мета-исторический контекст. Главной его темой стало выявление эсхатологического аспекта Литургии — именно это понимание, лишь позднее уступившее свое место символическому толкованию, как показал на множестве примеров докладчик, господствовало в Русской церкви до конца 17 в. Так был задан еще один лейтмотив разговора — проблема сохранения и передачи неповрежденной традиции.

Доклад кандидата искусствоведения А.Л. Расторгуева (Москва, МГУ) «Изучение христианской культуры средневековья как часть религиозного опыта современности: от С.С. Аверинцева до наших дней» остро поставил перед слушателями проблему внутренней несвободы, с которой столкнулась наука, оказавшись внешне свободной от идеологического принуждения. Докладчик с горечью констатировал, что обетование обретения целостности гуманитарного знания, которое было связано прежде всего с личностью С.С. Аверинцева, не осуществилось. Более того, продолжается разрушение целеполагания,

12 мая конференция продолжила свою работу в помещениях Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева.

Проблеме преподавания церковного искусства были посвящены доклады д.иск. наук Т.В. Барсегян, д.псих.-наук А.А. Мелик-Пашаева и д.п.н. Н.Н. Фоминой.

Т.В. Барсегян подчеркнула важность серьезной богословской подготовки для интерпретаторов церковного искусства и рассказала об опыте работы изостудии при музее им. Андрея Рублева.

А.А. Мелик-Пашаев исходил в своем выступлении из понимания культуры как дела «седьмого дня». Художник, по его мнению, «выпускает на волю голос всякой твари, которая «доселе стелзает и мучается», по слову св. ап. Павла, но сама не может об этом сказать». Гармонизирующее действие художественного творчества способно возвышать и облагораживать человека. Докладчик вспомнил о том случае, как стихотворение О. Мандельштама «Флейты греческой эта и йота», не имеющее моралистического содержания, удержало человека от нравственного падения. С т.зр. А.А. Мелик-Пашаева, решающим для воспитания будущего художника является детский опыт. Уже в раннем детстве ребенок должен пережить полноценный опыт творчества. Необходимо развивать именно

фото Кирилла Мозгова

Собор Спаса Нерукотворного Образа
Спассо-Андроникова монастыря

неотчужденное отношение к миру. С этой позиции ученый подверг критике практику художественного воспитания многих воскресных школ, где дети изображают религиозные сюжеты, которые не могут воспринимать, т.к. их содержание не соответствует их личному жизненному опыту. Рисунки получаются творчески беспомощными, сухими.

Однако докладчик не забыл и о положительных примерах. Все они оказались яркими свидетельствами реализации принципа «Укреплять и воплощать чувство любви ко всему живому». Так, он упомянул о двух грузинских православных архиепископах (!), которые занимаются с детьми таким неожиданным с т.зр. «обычного благочестия» делом как анимация. Также А.А. Мелик-Пашаев рассказал об опыте воскресной школы при Храме Спаса Нерукотворного в г. Долгопрудный Московской обл., которой руководит художник-монументалист диакон Дмитрий Котов. Участникам конференции были продемонстрированы мозаики, выполненные учениками этой школы. Реагируя на выступление А.А.Мелик-Пашаева, ректор СФИ, проф.-свящ. Георгий Кочетков заметил, что церковная жизнь несводима только к жизни религиозной. «Церковное шире религиозного, — сказал о. Георгий. — Религиозное в христианстве еще не все. Это только часть, хотя часть важная, центральная. Поэтому изображение «букашечек» (животных и растений), хотя и «не религиозно», но церковно. Иначе церковь становится только уделом специалистов по религии и завсегдатаев храмов».

Н.Н. Фомина говорила о проблемах преподавания православной культуры в школе в рамках МХК, музыки и рисования. Упомянув о таких насущных проблемах как отсутствие специалистов, малое количество часов (всего два раза в неделю, фактически только до 7-го класса, хотя программа предписывает до 9-го), она рассказала о том, как православная традиция воспринимается детьми. Докладчик избрала детские рисунки в качестве конкретного предмета рассмотрения. Даже в глухие «застойные» годы в детских пейзажах можно было увидеть изображение храмов. Между прочим, отметила Н.Н. Фомина, дети тогда очень любили православные праздники в отличие от идеологических советских. Сейчас, когда в храм Христа Спасителя на Пасху и на Рождество проходят по пригласительным билетам как на парад, православные праздники рискуют превратиться в идеологические, заметила выступающая. Современные дети чаще рисуют храмы изнутри, изображая себя непосредственными участниками богослужения. По мнению докладчика, им нужен не посредник, которым обычно бывает учитель, а помощник, которым лучше всего могли бы быть бабушки.

Во второй части заседания выступления были посвящены проблемам церковного художественного творчества. Примечательно, что среди докладчиков был только один теоретик-искусствовед — д.иск. И.Л. Бусева-Давыдова из Академии художеств РФ, остальными были практики: известный художник-мозаичист А.Д. Корноухов, иконописцы свящ. Николай Чернышев и Владимир Григоренко.

Открыл вторую часть интересный доклад московского священника Николая Чернышева «Церковное и нецерковное в современном облике православных храмов».

Доклад И.Л.Бусевой-Давыдовой носил характерное название «О свободе средневекового искусства (художник и иконографическая традиция)». На многочисленных примерах конкретных икон она пока-

зала живое многообразие средневековой иконописной традиции, которая не сводится к жесткой схеме, требующей лишь механического копирования, и напомнила, что образцы иконописи никогда никем не были узаконены в качестве нормативных.

Интересно, что выступление И.Л. Бусевой-Давыдовой вызвало, в первую очередь, живой отклик священнослужителей, участвовавших в конференции. Так, о. Георгий Кочетков обратил внимание присутствующих на необходимость различения понятий «закон» и «канон». Закон является жестким однозначным предписанием, требующим обязательного исполнения всем и всегда, а канон есть выражение нормы — того, что правильно, но при определенных условиях допускает исключения. К сожалению, в современной церковной практике даже иконописный канон часто понимается как закон. Это находится в вопиющем противоречии с традицией. Иконописные образцы всегда имели чисто школьное значение, как некие штудии. Их слепое механическое копирование невозможно, как невозможно найти два храма, где бы абсолютно одинаково служилась одна и та же литургия св. Иоанна Златоуста. Богослужебный устав церкви, так же как и иконописные подлинники, является именно образцом. Всякие попытки механического «вычитывания» по богослужебным книгам всего, что предписывает устав, не выдерживают никакой критики. С предложенным о. Георгием различением канона и закона согласился бывший научный сотрудник музея им. Андрея Рублева, а ныне священник Александр Лаврин.

Ярким завершением конференции было выступление иконописца из США Владимира Григоренко. Он рассказал о своем опыте росписи православного храма прп. Серафима Саровского в г. Далласе, штат Техас (православная церковь Америки).

Храм построен приходской общиной, возглавляемой правящим архиереем епархии Юга архиеп. Дмитрием (Ройстером). У прихода нет посторонних спонсоров, все делается на свои средства. Большинство прихожан — «конверты» (англ. converts, т.е. перешедшие в православие из протестантизма или католичества), люди, хорошо знающие Священное Писание. Все они вошли в православную церковь после длительной и серьезной катехизации. Члены общины регулярно встречаются помимо богослужения, на еженощном приходском чае и других встречах. Иконописец находится в постоянном диалоге с общиной. Нет отчуждений «подрядчик-заказчик», иконописец — член прихода, несущий определенное миссионерское служение. Он создает росписи и знакомит с ними посетителей храма. В диалоге общины с иконописцем активно участвует предстоятель — владыка Дмитрий. Свои проповеди архиепископ часто иллюстрирует росписями храма.

Подводя итог своему выступлению, Владимир сформулировал три принципа работы иконописца в современных условиях.

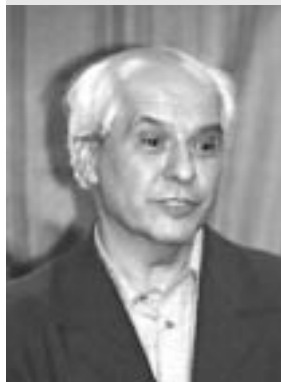
- 1) наличие живой общины (иначе отношение к работе иконописца мало будет отличаться от отношения к покраске стен)
- 2) Творческий диалог иконописца и общины.
- 3) Признание общиной результатов работы.

По замечанию специалиста по современному церковному искусству, кандидата культурологии И.К. Языковой, предложенный В. Григоренко опыт является для современного церковного искусства реальным выходом к творчеству от бесконечных стилизаций.

По окончании конференции ее участниками был принят итоговый документ и решение о создании на ее основе постоянно действующего междисциплинарного семинара с участием светских и церковных специалистов (он будет опубликован в одном из ближайших номеров «Кифы»).

Причащение апостолов. Манасия/Ресава (Сербия),
до 1418 г. (Фото доктора К.Х. Фельми)

ИНТЕРВЬЮ С УЧАСТНИКАМИ КОНФЕРЕНЦИИ

«Кифа»: Вы первый раз в нашем институте?

А.А. Мелик-Пашаев, психолог, художник и редактор педагогического журнала «Искусство в школе»: Да, к сожалению, в первый раз. И с большим удовольствием нахожусь здесь, в неброском и снаружи незаметном помещении, где хорошо внутри.

«Кифа»: Как говорится в сказках Льюиса, есть места, которые больше внутри, чем снаружи...

А.А. Мелик-Пашаев: ...и

которые не найдёт тот, кому сюда не надо.

«Кифа»: Может быть несколько слов о начале конференции, о первом докладе?

А.А. Мелик-Пашаев: Было бы самонадеянно с моей стороны оценивать такой богословский, искусствоведческий доклад, я только поучаться могу. Во всяком случае, сам подход очень глубокий и замечательный. Что касается конференции, мне кажется очень продуктивной сама установка на объединение церковной и светской культуры. Это то, что я считаю очень важным и необходимым - и одной стороне, и другой.

«Кифа»: Что бы Вы хотели пожелать преподавателям и студентам нашего института, участникам конференции?

А.А. Мелик-Пашаев: Я бы хотел пожелать преподавателям с какой-то широтой и милосердием находить всё лучшее в мирской культуре — то, что, может быть, само себя не осознаёт, что, может быть, томится, противоречиво живёт, но оно всё-таки есть, и эти искорки живут и в науке, и в искусстве, и в каких-то иногда и необдуманных порывах что-то в жизни совершить. Мне хотелось бы пожелать это не отсекают, не осуждают, а подать руку и увидеть, как это можно перевести на более высокий уровень. Потому что чем талантливее люди, тем больше они сами страдают от этих противоречий. Как говорил прп. Варсонофий Оптинский, в каждом художнике горит огонёк аскетизма, даже если он сам этого не понимает. То же самое можно сказать о творческом учёном, о любом человеке, который живёт большим, чем он сам. И эту искру надо поддерживать и в детях, и во взрослых людях.

«Кифа»: Что Вы думаете о неоднократно упоминавшемся в эти дни разрыве между церковным и светским искусством?

Владимир Григоренко: Я считаю, что истинная иконопись — это искусство, искусство не плоское, не уплощенное. Это люминированное искусство, там присутствует светотень, там присутствуют четыре измерения. Это, прежде всего, пластическое искусство. Очень благочестивые и очень «методологические» разговоры о том, что иконопись противопоставлена искусству вообще, живописи в частности, они устарели, и народ начинает понимать это, слава Богу. И ссылки на о. Павла Флоренского, которого я очень уважаю, они тоже уже устарели, уже невозможно дальше на этом строить - на этих клубах дыма, которые синтезируют все искусства в одно место, это уже вчерашний день.

«Кифа»: Насколько иконописец должен быть включён в современную ему культуру?

Владимир Григоренко: Как человек может в свете определения, которое упоминал Мелик-Пашаев, быть «включён в культуру», если культура — это область человеческой деятельности? Он не может выйти из культуры. Не обязательно следовать тому, что предлагают здесь и сейчас, но нужно иметь к этому своё осознанное, церковное отношение — это очень важно. При этом ответ на вопрос, что такое церковь, церковность будет определять наш ответ на то, как нам обращаться с культурой. Если церковь — это церковное здание и забор вокруг него, то действительно, всего, что за этим забором — металлическим, сварным, железным — надо отвергнуться. Что там? Одни только нищие злобные, которые деньги просят. Давайте об этом забудем и будем строить великое и светлое. Но Церковь — это не забор, конкретный и каменный, Церковь — это куда глубже и больше. Если мы так будем церковь понимать, не будет возникать противоречий между живописью и иконописью.

ЦАРСТВЕННОЕ ПРИНЯТИЕ КРЕСТА

Воспоминания Ольги Меерсон и Елены Дорман об о. Александре Шмемане

Ольга Меерсон: О. Александр воспитывал свободу в отношении к церкви, свободу в сознании. Никогда не забуду, как я впервые попала в семинарии на детскую проскомидию. Когда он служил детскую литургию, он всегда совершал проскомидию посреди храма, а не в алтаре, для того, чтобы дети могли сами принести просфоры. Это было с самого раннего детства. Самая главная мысль этой литургии была та, что мы все в ней участвуем.

Кифа: А детская литургия, кроме проскомидии, чем-то еще отличалась от «взрослой»?

Ольга Меерсон: Я не помню. По-моему, она даже не была особенно сокращенной.

Елена Дорман: Он сокращал и иногда что-то объяснял: «Сейчас я буду...» Я очень смутно помню, это было довольно давно. Были какие-то объяснения по ходу дела, обращения к конкретным делам.

Ольга Меерсон: То, что там, конечно, были открыты царские врата, это понятно.

Кифа: Наверное, это всегда у него было так?

Ольга Меерсон: По воскресеньям, во всяком случае, потому что каждое воскресенье — Пасха. Но главное, как выяснилось, очень большое значение и для детей, и для взрослых имеет вот этот момент приношения в начале, когда ты чувствуешь, что ты не где-то что-то заказал, оставил кому-то, заплатил и пошел, а ты сам приносишь, ты видишь, как вынимают частицы.

Елена Дорман: Я помню, как он просил детей называть имена, за кого мы вынимаем, и дети называли.

Ольга Меерсон: Тут дело даже не в том, что были объяснения, хотя, конечно, он объяснял то, что было непонятно. Принципиально другое ощущение, что ты в этом участвуешь, когда у тебя никогда не возникает ощущения, что ты «клиент» и «пришел в лавочку». Поэтому, скажем, отпадал вопрос: нравится — не нравится. В каком-то смысле это дает определенную закалку. Он насадил некоторые семена, которые даже при нынешней американской ситуации трудно выкорчевать, мне кажется.

Кифа: А чем он был для всей Американской церкви?

Ольга Меерсон: Мозгами.

Кифа: То есть? Он думал за всех?

О. Меерсон: Нет. Просто призывал сознательно относиться к этому делу, напоминал, что это определенная ответственность. У меня недавно спросили: а он не был элитарным? Нет, ни в какой мере. У него вообще не было разделения — мол, вот то, что для тех, кто хочет больше постичь, а это для тех, кто хочет меньше, или кто не понимает, тот дурак, или что-то в этом роде. Он просто считал, что когда человек участвует в каком-то деле, то у него естественно возникает и желание, и ответственность понимать, в чем он участвует. Там не было ничего эзотерического. Более того, у него было глубокое убеждение, что именно от скрывания тайных молитв, от постоянного наведения тени на плетень и возникает этот эзотеризм. И поэтому церковь разделяется на снотов и простонародных верующих. Он вообще считал, что это неправильно, что когда все открыто, то этого просто-напросто не происходит. Это был не демократизм, не популизм. Это была просто идея о том, что церковь состоит из нас, мы должны участвовать в том, что происходит.

У него было удивительно тонкое чутье литургической поэтики. Во всяком случае, я в каких-то вопросах считала себя его ученицей. Он никогда не считал литургику догмой. Именно поэтому он как бы в свободном откровении все время открывал в ней какие-то прозрения. Я помню, он отпевал Марину Трубецкую у нас в церкви. Какую проповедь он сказал, причем совершенно элементарную — просто об ап. Павле. Конец его послания: «И тако всегда с Господом будем». Было такое ощущение, как будто это дей-

ствительно мистическое озарение, потому что каждое слово для него самого было наполнено смыслом. Оказывается, очень мало надо — просто самому вкладывать смысл в то, что произносишь, и все.

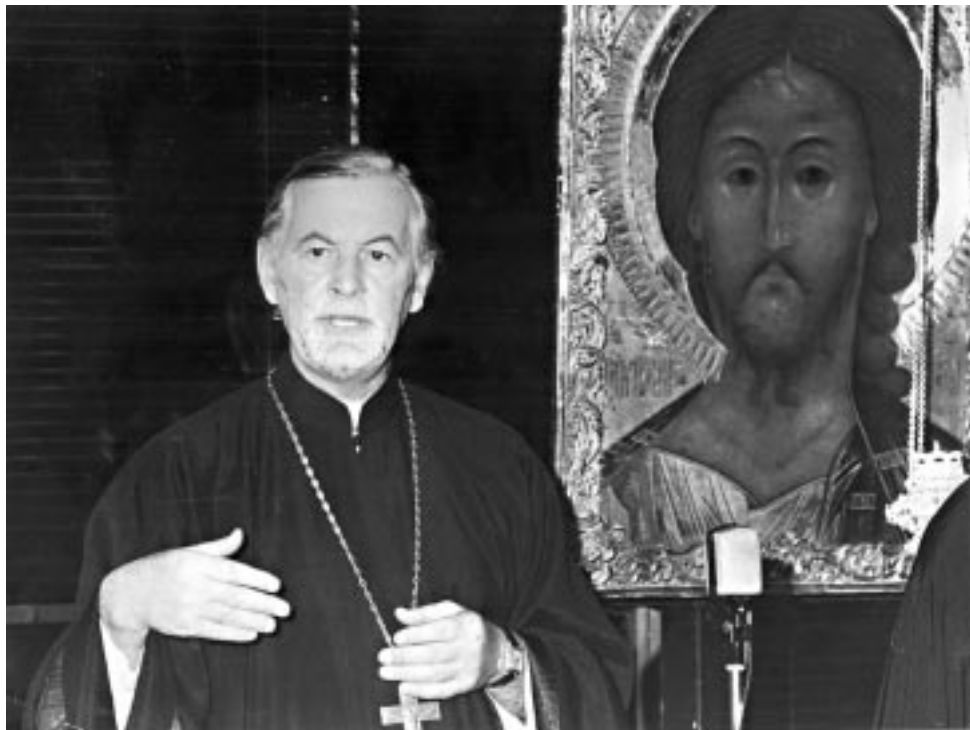
Он мне однажды рассказал такую вещь о своем детстве: «Я был ужасно экзальтированным мальчиком. Однажды я стоял в алтаре и у меня было такое чувство восхищения! И вдруг служащий священник подошел ко мне, по колену кадилом ударил и сказал: «Когда кадят, кланяться надо!» И вдруг я понял, что участвовать — это не «впадать в состояние». И я думаю, что после этой истории с коленкой и с кадилом у него никогда не было отношения к церкви как у клиента. Он пришел сюда для того, чтобы послужить, не чтобы ему служили, но чтобы послужить, и — на свидание с Богом. И это удивительно заразительное отношение. Передать другими словами я это не могу. Когда он служил, это всегда чувствовалось, это всегда передавалось. Он всегда буквально втаскивал тебя в Царствие Божие, в котором предстоял. Это ощущение с ним на службе было всегда, причем без каких-либо усилий. Он был человек после этой истории с коленкой абсолютно не экзальтированный. Он был очень страстный, он проповедовал, но никакого желания «достигать состояний» или «уровней» у него не было никогда.

Елена Дорман: Да, я помню, он говорил, что когда приходишь в церковь, не надо пытаться чувствовать.

Ольга Меерсон: И это удивительно, потому что, как сказали бы совершенно простые люди, он очень передавал настроение. У него не было такой цели, это был побочный эффект. Он просто настолько жил в этом мире, что ты там оказывался с ним. А почему? Потому что всякое слово, которое он произносил, пел, вступал в диалог с хором, всегда было наполнено сущностью. Например, в Дневниках есть одна вещь, которая может показаться противоречивой, но мне это очень понятно — когда он пишет про канон Андрея Критского и говорит, что он устарел, что в нем полно всяких византизмов, этих бесконечных аллегорий и нежелания понимать Ветхий завет буквально, что это все не для нас и что это такое неоплатоническое монашество, а потом в каком-то году он пишет: «Опять откуда начну плакать океанного моего жития» — какое счастье! Вообще самое великое в этой книге для меня — то, что там полно противоречий, потому что он пишет ее для себя. Во всякой ситуации он видит две стороны, но именно потому, что у него отношение к церкви изнутри, а не снаружи. Не то что «это заверните, а это выкиньте». И именно благодаря этому — у меня 18 лет регентом — мне удалось понять, что отбрасывать, что насуточно, а что — вопрос предпочтения. Составить службу 12 Евангелий так, чтобы она не была антисемитской и при этом не была еретической, — это не бином Ньютона. Все равно все сокращают. Либо зарубежники, которые ничего не сокращают, проборматывают так, что ничего не слышно. Либо, как у нас в русской церкви — поют «На реках Вавилонских» сокращая все, кроме «Иже разбьет младенцы о камень». Это полный абсурд. Это величайший псалом. Если ты выкидываешь, то хотя бы смотри, что выкидываешь. Вот этой свободе он меня научил. Видеть — зачем, не только — как и что, но и — зачем, куда ты идешь. Куда путь Великим постом? К Пасхе. И я благодарна ему до сих пор, потому что уже много этих служб провела.

Кифа: Вы с ним дружили? Можно так сказать?

Ольга Меерсон: Скорее, мой муж. Мне очень запомнилось, как он приходил к о. Александру в больницу и тот говорил: «Вы знаете, Миша, я совсем не могу здесь спать. Здесь все время царит такой добродушный шумок». Вот такой светский тон при том, что человек явно на пределе терпения и жуткой раскалывающей боли, переносит ужасные страдания. Он очень изменился. Он за полгода поставил буквально на двадцать лет. Он всегда

был очень крепкий, прекрасный, стройный, а тут все, просто моментально стал старик. И при этом не выставлялся совершенно. Для меня это тоже было очень важным свидетельством. В нем не было никакой стилизации христианского свидетельства, мученичества, аскезы, выносливости в болезни. Просто до самого конца, когда ему было очень плохо, если кто-то из нас оказывался в его орбите, то мы скорее веселились, чем горевали, потому что в его стиль не входила поза страдальца. Пронзительность этой ситуации заключается в том, что в ней нет ничего сентиментального — вообще. И так он служил. И так он жил. Мой муж как-то сказал совершенно неожиданно: «Я за всю жизнь не могу себе простить одного», — они ругались, мирились, у них были очень сложные отношения, — «что отец Александр у меня служил в приходе и я не велел нашему казначею выписать ему гонорар, потому что я не мог представить, что этот человек может так же нуждаться, как всякий священник». Т.е. он всегда для него был выше, такой царственный и т.д., а жизнь же у них была довольно тяжелой так же, как у всех. Вдруг в какой-то момент ты понимаешь, что эта царственность — это просто царственное достоинство в несении достаточно тяжелого креста. И вот когда он заболел, такие воспоминания стали посещать многих людей. Поскольку он никогда не набивался на сострадание, а наоборот, всегда дарил сам своим присутствием. Есть такое свойство свидетельства. Все поняли, как ему было тяжело, когда было уже очень поздно. И всегда с ним было очень весело.

Кифа: А был какой-то дружеский круг у о. Александра?

Ольга Меерсон: Наверное. Он в Дневниках описывает. С Леной и ее семьей очень дружил. Мой муж у него жил довольно долго в начале еще, когда приехал. У него было много друзей, кругов. Пожалуй, единственная его трагедия была в том, что он со всеми был свой, он действительно стал «всеми для всех»...

Елена Дорман: На самом деле, он был вполне одинок.

Ольга Меерсон: Он был одинок, потому что при этом все эти люди, включая и нас грешных, очень были склонны к некоторой «партийности». А у него этого не было совсем. Это в Дневниках очень видно. Его действительно раздирало то, что он так любит людей, которые готовы ради каких-то своих «принципиальных» расхождений тратить жизнь на мышиную возню. Он ужасно страдал от этого. Это было страдание настоящей любви. Мы даже не подозревали, насколько это было сильным. У меня такое ощущение, что мы приложили руку к его страданиям в этом смысле. А, думали, о. Александр со всеми свой, он умеет, он гибкий. Нам казалось, что это такое светское всеприя-

тие. А на самом деле это была четкая установка христианского свидетельства, а вовсе не светскости. И когда читаешь Дневники, то видишь, что это так. То, что он был одинок, происходило из-за того, что ему были близки все, а не далеки. Это бывает очень мучительно. Но сейчас, когда он ушел, вдруг оказалось, что для многих людей, которые его знали и любили, он оказался примирителем, именно потому, что все это приобрело нужный масштаб. Это тоже было свидетельством своего рода. Он оставил после себя наследие любви и мира.

Кифа: Это действительно интересный вопрос — о наследии о. Александра.

Ольга Меерсон: Это очень большая проблема. Вот и Дворкин собирается об этом наследии воспоминания писать. Каждый своё унаследовал...

Елена Дорман: У о. Александра были на самом деле друзья. Это была Оля Поливанова. Дим Димыч — отец Дмитрий Григорьев, профессор Померанцев. К ним он приезжал отдыхать — мог просто приехать, сесть в кресло и промолчать весь вечер, попивая чаек. И чувствовалось, что ему хорошо.

Ольга Меерсон: Еще он был действительно очень близок со своей женой. Причем она тоже большая специалистка вовремя помолчать. Это тоже очень важный момент.

Кифа: А были ли у него ученики? Не в формальном смысле, конечно, ясно, что у него было много студентов.

Ольга Меерсон: Вы знаете, он на всех своих семинаристах оставил определенную печать.

Кифа: Но ученики, которые бы продолжали его дело?

Ольга Меерсон: То, что он создал литургически в церкви, — это как воздух. Лет 25 назад о. Михаил как-то заболел и попросил послужить отца Юлиана Троицкого, очень пожилого священника, старомодного. Он пришел, совсем старичок, послужил совершенно безотказно. Мы все пели в хоре. И он закрыл царские врата. И вдруг одна из наших прихожанок, Дюка Бруни, мне говорит: «Слушай, как странно сейчас это звучит. Ведь я всю жизнь ходила в Москве в церковь, но как быстро привыкаешь к нормальному!» Понимаете, тут не нужны последователи.

У него же не было какого-то особого учения, не было идеологии, не было идеи. Он действительно все осмысленно произносил и заставлял других осмысливать то, что уже есть. Отец Дмитрий Григорьев однажды крестил какого-то младенца в литургии, а люди были совсем простые. И он им объяснял, почему в литургии он крестит. Он говорит: «Крещение — дело всей церкви. И мы все теперь будем молиться за нового члена церкви, а не то, что «Мой уголок я убрала цветами» (смеется). Понимаете, почему отец Алек-

Продолжение на с. 8.

О СОЗНАТЕЛЬНОЙ И БЕССОЗНАТЕЛЬНОЙ МНОГОДЕТНОСТИ

Отклик на письмо Валерии Волковой, посвященное проблеме планирования семьи

Добрый день, хотелось бы отозваться на тему, поднятую Валерией Волковой.

Международная федерация планирования семьи (150 стран мира), в идеологических рамках которой полностью пребывает российская ассоциация планирования семьи, озабочена не более чем «расширением репродуктивного права женщины», совсем в духе Анджелы Дэвис с лозунгами вроде «Каждая женщина вправе распоряжаться собственным телом» и «каждый ребенок должен быть желанным», что в итоге понимается исключительно как свобода женщины самой решать, делать ли ей легальный и, главное, безопасный аборт.

Вот как определяет свои цели РАПС — «Первоочередной стратегической задачей является деятельность по обеспечению права на планирование семьи и ответственный репродуктивный выбор. Репродуктивные права относятся к основным правам человека и декларированы рядом международных и национальных правовых документов (Всеобщей декларацией прав человека, Конвенцией по ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, материалами Международных конференций по народонаселению и развитию, Конституцией РФ, Основами законодательства по охране здоровья граждан РФ и др.).

В задачи Ассоциации как общественной организации, ее структурных подразделений должно входить разъяснение идеологии планирования семьи, сути репродуктивных прав и значимости охраны репродуктивного здоровья для здоровья каждого человека и населения страны. Сегодня, когда активизировались церкви и движения, выступающие за лишение женщины права на репродуктивный выбор, особенно важно разъяснять, что это право является одним из фундаментальных прав человека».

Понятно, что защитники безопасных аборт не поднимаются выше планки сохранения физического здоровья женщины и так называемой негативной «свободы от» любого посягательства на право собственного решения. Ситуация усугубляется и тем, что аборт считают средством планирования семьи наряду с контрацепцией. Как видим, мировоззренческий конфликт налицо. «Фундаментальное право» в понимании секуляристов и есть дарованная человеку свобода, повлекшая за собой грехопадение и дальнейшую возможность греха. Понятно, что мысль о «фундаментальном праве» не идет в развитии дальше и не предусматривает никакой ответственности. По крайней мере, в манифесте РАПС всего раз упомянут «ответственный репродуктивный выбор» — без пояснения, что это такое.

Как видится проблема изнутри ведущих религий? Интересно, что в исламе допускается некоторый люфт свободы репродуктивного выбора при согласии обоих супругов и врача на прерывание беременности до 40 дней. Это порицается, но не считается грехом.

Пророк Мухаммад на основе божественного откровения, а не научного достижения, оповестил: «Поистине, каждый из вас формируется во чреве своей матери в течение 40 дней в виде капли семени, затем он столько же времени пребывает там в виде сгустка крови и еще столько же времени — в виде кусочка плоти... а затем Творец направляет к нему ангела, который вдыхает в него душу». Таким образом, по истечении 120 дней с момента зачатия Господь ниспосылает ангела, который вдыхает душу в формирующегося младенца, и человеческий эмбрион обретает жизнь. С этого времени зародыш приобретает новый статус, качественное состояние: возникшая человеческая душа делает его полностью сформировавшимся живым существом».

В «Основах социальной концепции РПЦ» можно прочитать, что «в случаях, когда существует прямая угроза жизни матери при продолжении беременности, особенно при наличии у нее других детей, в пастырской практике рекомендуется проявлять снисхождение. Женщина, прервавшая беременность в таких обстоятельствах, не отлучается от евхаристического общения с Церковью...»

Мне кажется, хорошо бы понять, насколько возможно, почему рождаемость третьего мира много выше, чем в мире цивилизованном, но сейчас почти повсеместно имеет тенденцию к снижению. Вряд ли все дело здесь в недоступности средств контрацепции и малоинформированности населения. В случае стран неразвитых явно приоритетен фактор простого выживания, а биологического, и социально-экономического. Количество рождений прямо пропорционально ожидаемой социальной устойчивости семьи и биологической устойчивости рода, хотя и не без определенных рисков, связанных с нищетой. То есть уровнем рождаемости сохраняется система производственных отношений внутри семьи. Можно по-

смотреть, например, исследование австралийца Дж.Колдуэлла. Религиозность населения в виде его нравственных установок на поддержание многодетности здесь не играет, очевидно, доминирующей роли. Можно, наверное, назвать такой менталитет бессознательной многодетностью.

Суть всех докапиталистических способов производства состоит в производстве, основанном на отношениях между родственниками. Эти отношения неравенства дают материальные преимущества более стар-

Генри Мур. Семейная группа. 1947г.

му поколению. Высокая рождаемость приносит экономические преимущества всем членам семьи, настоящие или ожидаемые. Но не только высокая рождаемость ценится, в еще большей степени ценится необходимость поддержания стабильности такой системы. Развитое капиталистическое производство делает высокую рождаемость экономически невыгодной. Но в течение длительного времени капиталистическое производство может сосуществовать с семейным производством услуг, требующим еще больших затрат труда. Именно это привело в свое время в Западной Европе к длительному (в течение века) сосуществованию этих способов производства и мешало быстрому снижению рождаемости.¹

Рождаемость сократилась, когда господствующим стал капиталистический способ производства, и потоки богатств, объединяющие семью в единое экономико-демографическое целое, сменили свое направление, что вылилось в результате и частью социально-экономических перемен. В современных развивающихся странах экономические и социальные перемены также делают высокую рождаемость экономически невыгодной. Но в этих странах снижение рождаемости происходит значительно быстрее благодаря «импорту идей», «прозападной» идеологии и образовательной системе (включая и отношение к детскому труду).

Современные люди все более ясно осознают (а ученые это подтверждают), что в развитых капиталистических странах семейный способ производства отмирает, при этом высокая рождаемость сокращает жизненный уровень членов семьи, в то время как в семейном способе производства это отношение было обратным.

Почему-то знаменательным образом интересы секулярного государства и христиан совпадают — рождаемость должна быть высокой. Очевидно, налицо разные мотивы. Поэтому, наверное, следует определиться, в чем собственно мы видим «проблему». Что значит «демографическая проблема»? Как она соотносится с демографической ситуацией? Или проблема планирования семьи: не является ли эта проблема простым следствием государственной идеологии как идеологии тотальной экспансии, озабоченной прежде всего ростом количества населения и именно поэтому не терпящей «депопуляционного негатива», т.е. преобладания смертности над рождаемостью? Может быть, тогда такой же интерес для христиан должна представлять борьба с ростом смертности? Или это проблема личности, проблема ее «реп-

родуктивного здоровья», выражающаяся в столь настойчиво декларируемом официозом праве на репродуктивный выбор, который и основывается собственно на мировоззрении и моральном выборе (убить — не убить)? Здесь, собственно, «проблема» и снимается переходом в проблему личного морального выбора. Да и вообще в какой мере оправдано и допустимо какое-либо планирование человеком, у которого «все волосы на голове сочтены»?

Попытки правового регулирования в этой сфере в России (что тоже характерно) в виде отмены запрета на аборт (к середине 50-х) были вынужденной мерой из-за последовавшего вала смертей от криминальных аборт. Однако общая цифра аборт в России с 70 - 80 годов уменьшилась практически в 2,5 раза с 4.5 млн до 1.8 млн. Кто попробует связать эту тенденцию с возрождением интереса нации к своим религиозным истокам, к учению Церкви? С двумя-тремя процентами реально практикующих христиан и прочих верующих? По данным статистики основные мотивы, мешающие желать большого количества детей — недостаток материальных средств плюс озабоченность карьерой и досугом — преобладают в России уже много-много десятилетий. Видимо, механизмы соотношения репродуктивности общества с социально-политическими, культурными и религиозными факторами намного более непрозрачны, чем обычно представляется.

Поскольку в Библии нет никаких четких указаний на греховность контрацепции, налицо отсутствие на этот счет единого церковного мнения. Вопрос о допустимости контрацепции напрямую связан со злоупотреблением свободой. Или этим хрупким даром свободы человек призван к творчеству в области собственной репродукции? Вот у Валерии Волковой прозвучала мысль, что зачатие человека — таинство, невозможное без реализации человеком любви и свободы. Это красивые слова, они вдохновляют, равно как и то, что человек призван к духовному соучастию в творении жизни. Если я правильно понял, имеется в виду взаимная любовь и ответственное, свободное решение о продолжении рода, но ведь любовь и ответственность — гости сравнительно редкие, и демография здесь сильно не при чем... А как быть с любовью, с той воспетой любовью, которая ищет духовного единения, а не телесного? К тому же зачатие возможно без любви и без духовного соучастия, и даже без воли и против воли на то человека. Чаемое соучастие в творении жизни и на духовности потомства никак не отражается. Сколько гениев среди внебрачных детей, среди рожденных вследствие изнасилований и т.д.? Нам не открыта тайна, почему соитие как удовольствие не связано напрямую с зачатием и продолжением рода. Наверное, не просто так Господь, создавая человека, связал интенсивное чувство удовольствия от полового акта с репродуктивным последствием оного. Своевольно отделяя удовольствие от его естественного следствия, человек не желает принимать предлагаемую ему Богом естественную связку явления «соитие — рождение». Сам принцип контрацепции был известен человеку еще «с Адама», за время истории увеличилась только доступность безопасной контрацепции. Таинство творения жизни в виде зачатия ведь еще имеет и другой аспект, половое размножение есть прямая расплата, дань закону смерти, царящему в природе или, можно сказать, есть несовершенный способ преодоления видовой смерти. На дне каждого соития и удовольствия смертью пахнет...

Если, как пишет Валерия — «сознательная многодетность возможна только в свободе от диктата воли других людей, даже облеченных саном, от госинтересов, от стремления улучшить демографические показатели в стране», то она очевидно зависит напрямую только от степени христианизации сознания, и тогда можно будет убрать «интересы государства из собственной спальни», чтобы остались только христианские интересы.

Итак, за что идет борьба? Сознательная многодетность как христианский идеал семьи. То есть, прямо по ветхозаветной линии, с основным предназначением брака — «плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю»? Причем смысл слова «наполняйте» кто-то комментировал и как возможность наполнить количественно лишь до определенного предела... Иначе говоря, я бы поставил вопрос по-другому: всякая ли попытка регулировать репродуктивность противоречит божественному установлению?

Андрей БЫКОВ,
факультет религиоведения СФИ

¹ Полный текст: John C. Caldwell. A Theory of Fertility: From High Plateau to Destabilization (Population and Development Review, Vol.4, ² 4, 1978, pp.553-577). Перевод с английского Н. В. Зверевой.

ЦАРСТВЕННОЕ НЕСЕНИЕ КРЕСТА

Начало на с. 6.

сандр чувствовал себя своим? Для того, чтобы просто делать то, что он делал, нужна была определенная смелость. Потому что в православии существует такая трусость: я не против, но что другие скажут? Но как только он начал, достаточно большое число интеллигентных друзей его поддержало.

Елена Дорман: У них был просто такой христианский кружок, в котором они собирались, читали Писание, занимались литургией. Сначала они служили у Колумбийского университета, еще там Флоровский был. Семинария же была сначала в Нью-Йорке, где-то между 122 и 125 улицами. Потом уже они купили помещение. Оля Поливанова рассказывала, что этот кружок назывался у них литургическим. Татьяна Георгиевна Терентьева, кажется, тоже там с ними была.

Ольга Меерсон: А сейчас я чувствую, что это поколение уходит. Это так странно — ведь мы их всех застали.

Кифа: Об этом кружке никто никогда отчетливо не вспоминал.

Ольга Меерсон: Это была такая компания, это было дело их поколения.

Елена Дорман: Это не было никак оформлено. Они просто собирались за чайком, после клуба.

Кифа: Это известное дело. МХАТ тоже начинался с домашних спектаклей.

Ольга Меерсон: Тут немного другое. Отец Александр был человек гигантской культуры, но он понимал, что культура в дурылинском (Сергей Дурылин) понимании и церковь — это все-таки разные вещи. Он не так разрывался от этих вещей, потому что ему удалось создать церковь, которая приемлет интеллектуалов именно потому, что она не зависит от той или иной культурной установки.

На меня он произвел такое же впечатление, какое, наверное, в свое время на современников производил апостол Павел. Не знаю, можно ли сказать, что апостол Павел элитарен? В нем, конечно, есть какое-то остроумие, способность довести ситуацию до абсурда. Отца Александра обвиняют в элитарности именно за это — он был очень острый, не просто остроумен. Скажем, он мог сказать: «Я спрашиваю у своих знакомых, у родственников: «Почему вы причащаетесь раз в год?» Они говорят: «Я не достоин чаши». — «А раз в год достоин? При чем тут твое достоинство?»» Или он говорил моему мужу: «Не знаю, почему меня все учат богословию, я же не учу ядерных физиков ядерной физике». Т.е. в нем была вот некая страстность, но это было связано с тем, что это была вся его жизнь, абсолютно не связанная ни с каким «реформаторством». Абсолютно живое горение живого человека.

Вопрос о том, выживут ли литургические реформы о. Александра, это как вопрос о том, возможно ли возвращение советской власти. Нас что-то тревожит, пугает, расстраивает, но все равно мы понимаем, что сознание изменилось. Не у интеллектуалов, а вообще у человека. То же самое и с Американской церковью. Поэтому какие-то надежды есть. Она и сегодня очень отличается от русской. Когда я это говорю, я имею в виду — в лучшую сторону. Любой человек всегда понимает, зачем он пришел в храм, что там происходит и почему он православный.

Кифа: По американскому подворью в Москве этого не скажешь.

Елена Дорман: Но подворье ведь не американское совсем. Что же в нем американского? Закхей сложился полностью под влиянием нынешнего московского псевдо-пиетизма, и вообще человек не слишком самостоятельный.

Ольга Меерсон: Среди американцев тоже есть такое поветрие. Большинство из них, в отличие от Закхей, просто идут

в Зарубежную церковь. Они моментально становятся такими «гейславянами», что просто невозможно.

Кифа: Как Вы сказали?

Ольга Меерсон: «Гейславянами» во всех смыслах этого многосмысленного слова. За исключением изначального британского смысла слова «gay» — веселость. Тут она пропадает окончательно. Как говорит мой муж, «я очень благодарен Зарубежной церкви, потому что я могу себе представить, с чем бы мне пришлось иметь дело пастырски, если бы она не отсасывала всех людей, пришедших ради стилизации». У него такого нет. Потому что не до стилизации. Я считаю, что мой муж в церковном смысле человек великий, потому что у него никогда не было этой придури. Он вырос в достаточно тяжелых условиях церковных. Он не совсем плод пастырства Шмемана, но он с ним очень быстро нашел общий язык, потому что там ничего не мешало — опять же как воздух. И то, что его служение, его приход возможны, это в большой степени результат того климата американской церкви, который оставил в наследие о. Александр — он дал людям возможность быть свободными в церкви. Конечно, каждый развивает это в меру своих способностей или желаний, но эти возможности есть. И есть много нормальных приходов — именно из-за этого. Поэтому я не думаю, что это можно искоренить. Конечно, можно подморозить, как и постсоветскую Россию, но сознание все-таки изменилось.

Кифа: Хорошо. А что называется словом «дешмеманизация»?

Ольга Меерсон: Не знаю, кто такое слово изобрел. Мне трудно сказать. Вообще американцы конформисты. Это касается и американских священников.

Елена Дорман: Я думаю, что это слово к епископату прилагалось по сравнению с тем временем, когда был о. Александр.

Ольга Меерсон: Не знаю, трудно сказать. Наш, например, американский священник боится читать тайные молитвы вслух. Он оказался «благочестивее» владыки Германа. У нас парадоксальная ситуация, у нас сейчас русскоязычный приход намного более либеральный, в смысле — открытый. Мои дети, которые уже больше включены в английское богослужение, потому что там родились, предпочитают ходить на русские службы, потому что там тайные молитвы читают вслух. Им уже важно в этом участвовать.

Кифа: Что такое нормальный приход в Америке?

Ольга Меерсон: Нормальный приход — это приход, в котором за каждой литургией все присутствующие считают, что на них больше ответственности и вины, если они не причащаются, чем если они причащаются. Это приход, в котором, в любой момент заходя в церковь, каждый понимает, что сейчас происходит.

Кифа: И это неискоренимо?

Ольга Меерсон: Да.

Беседовал Александр БУРОВ

Ольга МЕЕРСОН — Родилась в России. Супруга священника Михаила Аксенова-Меерсона. Ныне живет в США. До 1995 г. служила регентом в храме Христа Спасителя в Нью-Йорке. Защитила докторскую диссертацию в Колумбийском университете (1991). Профессор русского языка и литературы на кафедре славистики Джорджтаунского университета.

Елена ДОРМАН — Главный хранитель архивов библиотеки-фонда «Русское зарубежье». Участвовала в подготовке к печати текста дневников прот. Александра Шмемана.

ПЕТРОВСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Из выступлений о. Александра Шмемана на радиостанции «Свобода»

Реформы Петра Великого, можно было бы сказать — петровская революция, означали коренную перемену в русском общественном сознании. До Петра Великого, несмотря на все перебои этого сознания, оно — на последней глубине своей — было единым. Это единство давала ему та религиозно-государственная идеология, которую Русь унаследовала от Византии и которой и определялось общественное сознание как в Киевской, так и в Московской Руси.

Петровская реформа заключалась, прежде всего, в резком обрыве этой идеологии, в переходе русского государственного и общественного сознания, так сказать, на новые рельсы. Такими новыми рельсами оказалась идея светской или, как теперь говорят, секулярной культуры, идея, которую царь Петр почти насильно навязал России и которая определила все дальнейшее развитие русской общественной и политической мысли.

Петр Великий не случайно, не из какого-то каприза или самодурства сбривал боярам бороды, передевал их, по выражению одного поэта, в «голландцев» и заставлял плясать менуэты на ассамблеях. Это было частью продуманного общего плана, можно сказать — целого мировоззренческого переворота. То был план «секуляризации» самой ткани русской жизни, отрыва ее от сакральных и религиозных форм прошлого. При этом нужно заметить, что сам Петр не был безбожником. Да и тот западный секуляризм, который он насаждал в России, не был равнозначен атеизму. Секуляризм означает признание автономии культуры государства, всей общественной, всей «мирской» жизни человека, автономии их по отношению к религии. Религия сохраняет свое определенное место в жизни общества, она не перестает быть идеей, принципом, синтезирующим, объединяющим в себе все остальные сферы человеческой жизни. На Западе такая секуляризация началась гораздо раньше — в эпоху Возрождения. В России начало ей положил Петр Великий.

Формально — и это нужно оговорить — Российская Империя продолжала покоиться на религиозном фундаменте: «Божией милостью Император и Самодержец Всероссийский» — формула эта оставалась неприкосновенной на протяжении всего петербургского периода русской истории. Византийский двуглавый орел — символ двудеиства Империи и Церкви — оставался гербом России. На деле, однако, между двумя этими традициями — византийско-московской и имперски-петербургской — преемства не было, и символ уже не соответствовал действительности. Так, раз в жизни, в день своего венчания на царство, император являлся перед народом как древний византийский василевс, одетый в священные одежды. Он принимал от Церкви через епископа помазание на царство и, не будучи священником, входил, как священник, — повторяю: один раз в жизни — в царские врата древнего Успенского собора в московском Кремле. Только один раз — ибо затем, немедленно священные одежды сменялись генеральским мундиром прусского образца

и первый, священный символизм переставал соответствовать действительности. И в этом — втором и постоянном — образе императора уже не от Церкви принимал он власть, а от того на Западе возникшего абсолютизма, согласно которому между царем и Богом нет уже никаких посредников и ответственен царь только и исключительно перед Богом. Так русское государство, с одной стороны, получало от Церкви религиозную санкцию, а с другой — переставало быть государством «религиозным». А этой новой идее государства по необходимости соответствует и новое понимание и общества, и культуры. Если как отдельная личность человек и сохраняет религию, то в обществе и культуре он уже всецело ограничен земным горизонтом. Государство, общество, культура становятся как бы самоцелью.

Так в итоге петровской реформы возникает в России, в первый раз за всю ее историю, — светское, мирское государство. И отныне и общество, и культура призывают государство этому служить, способствовать его силе, благополучию, мощи, славе. Но теперь нужно поставить вопрос: удалась ли полностью эта революция, этот отрыв общественной, государственной и культурной жизни от отнесенности их к некоему религиозному идеалу? И на вопрос этот мы можем ответить так: удалась и не удалась. И не удалась потому, прежде всего, что сама эта реформа, как известно, непосредственно коснулась только одного и притом крайне немногочисленного слоя русского народа. Фактически нетронутым этой реформой оказался именно сам народ, то есть то огромное большинство, что составляло в России крестьянство. Эта масса, этот «народ» остался вне влияния того западного просвещения, которое Петр насильно навязал дворянству. И потому народ сохранил, хотя бы только и пассивно, старые, насквозь религией пронизанные мировоззрение, ощущение и восприятие жизни, раскрываемые ему Церковью. Россия снова оказалась поляризованной, раздвоенной, можно на этот раз сказать — разделенной. И именно это разделение само становится в русском обществе предметом страстного интереса, некоего постоянного напряжения, поистине — кризиса.

Редакция благодарит Елену ДОРМАН, предоставившую для публикации этот материал, никогда ранее не публиковавшийся в печатных изданиях

Дорогие читатели!

Подписаться на газету «Кифа» можно в редакции.

Тел. для справок 8-916-114-67-37,

e-mail: o_olga@mail.ru (Ольга Орлова)

Нашу газету можно приобрести:

В Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ — ул. Покровка, д.29, оф.38); в центре религиозной литературы ВГБИЛ им. Рудомино (ул. Ни-

колаямская, д.6); в книжном киоске первого гумфака МГУ; в Санкт-Петербурге: в магазине «Слово» (ул. Малая Конюшенная, 9); в Париже: в магазине «YMCA-Press» (11, Rue de la Montagne Ste Genevieve).

Телефоны распространителей:

Москва: (495) 314-2596 (Александра Ошарина), 131-4769 (Ольга Филиппова), 210-7006 (Ольга Орлова), 158-9116 (Валерия Волкова), 342-6306 (Марина Чиркова)

Санкт-Петербург: 8-921-755-9926 (Анастасия Наконечная); **Тверь:** 8-4822-50-2308 (Олег Ермолаев); **Архангельск:** 8-921-299-4978 (Андрей Подоров); **Северодвинск:** 8-921-299-7687 (Нина Портнова)

Редакторы:
Александр Буров (СПб)
Александра Колымагина (Москва)

Над номером работали:
Владимир Лидский
Дмитрий Матвеев
Анастасия Наконечная
Елена Шевелева
Александра Ошарина

Иллюстратор: Татьяна Аразян
Дизайн: Андрей Мареев
Верстка: Татьяна Тыртыш
Анна Лепехина

Тел./факс: (495) 623-03-80
e-mail: kifa@list.ru
Тираж 1300 экз.

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №77-14924 от 26 марта 2003 г.